

Автомобиль сопровождения плавно двигался по ночным улицам города, но атмосфера внутри салона была куда тяжелее, чем ночной мрак за окном.

Цзян Сюнь сидел, прислонившись к стеклу, и сжимал в руке почти нетронутый стаканчик кофе из «Блюз Тайм». Его пальцы непроизвольно напряглись, отчего бумажный стакан слегка деформировался. Смятый в комок отчет о составе напитка — легкий, но тяжелый, как валун, — был запихнут в карман пиджака и неприятно давил, вызывая раздражение.

Менеджер Ли пыталась разрядить обстановку, обсуждая график на ближайшие дни. Цзян Сюнь отвечал лишь невпопад, то и дело бросая взгляды на неподвижную спину впереди — на пассажирском сиденье сидел Лу Линь. С того самого момента, как они сели в машину, он не изменил позы.

— Эй.

Цзян Сюнь не выдержал. Его голос, пропитанный не угасшим гневом, прозвучал в замкнутом пространстве слишком резко. Лу Линь не обернулся, лишь взглянул на него через зеркало заднего вида — взгляд его оставался спокойным и безмятежным.

— Что это сейчас было? — Цзян Сюнь выпрямился, тон его стал агрессивным. — Этот отчет? Ты намеренно хотел поставить меня в неловкое положение перед всеми?

Голос Лу Линя оставался ровным, без единой нотки эмоций:

— Я лишь предоставил информацию, касающуюся данного напитка, для вашего сведения. Обеспечение вашего здоровья на оптимальном уровне и предотвращение ненужных профессиональных рисков также входит в круг моих обязанностей.

— Обязанностей? — Цзян Сюнь нервно усмехнулся. — Твоя обязанность — защищать мою безопасность, а не поучать, что мне есть и пить! Купил кофе — так еще и отчет приложил? Лу Линь, не слишком ли ты много на себя берешь?

— Если вы считаете это поучением, — невозмутимо ответил Лу Линь, — то разве не является безответственностью сознательное употребление раздражающих напитков, зная, что они создают нагрузку на голосовые связки?

— Ты...

Цзян Сюнь едва не задохнулся от возмущения. Он с силой швырнул стаканчик с кофе в подстаканник рядом, и несколько капель коричневой жидкости брызнули в стороны.

— Я сам знаю, что мне полезно! Не нужно притворяться, что ты заботишься обо мне!

— Знаете? — Лу Линь наконец слегка повернул голову. Его взгляд упал на напряженную шею и кадык Цзян Сюня. — В прошлый раз в студии звукозаписи педагог по вокалу просил вас отдыхать и избегать раздражающей пищи. С тех пор прошло меньше трех дней.

Цзян Сюнь осекся. Тот случай в студии, когда преподаватель сделал ему замечание из-за плохой формы, действительно его задел. Он не ожидал, что Лу Линь запомнит такую деталь.

Ли поспешила вмешаться:

— Ладно, ладно, Сяо Сюнь, господин Лу тоже желает тебе добра. Кофе действительно не стоит пить по вечерам, это вредит сну, а завтра из-за этого будет плохое самочувствие. Господин Лу, спасибо вам за внимательность.

Цзян Сюнь лишь фыркнул, отвернувшись к окну, где мелькали огни ночного города, и замолчал. Он чувствовал себя так, будто бил кулаком по вате: логика противника была безупречной, аргументы вескими, а прикрываясь заботой, тот выставлял любое недовольство Цзян Сюня капризами.

Вернувшись в квартиру, Цзян Сюнь направился прямо в спальню, намереваясь выбросить смятый листок с отчетом в мусорное ведро, чтобы глаза его не видели. Но едва он снял пиджак, как за спиной раздался голос Лу Линя:

— Завтра в девять утра у вас съемка обложки нового альбома в студии на западе города. В три часа дня в центре искусств состоится встреча с фанатами, организованная брендом.

Цзян Сюнь замер и раздраженно обернулся:

— Я сам знаю свое расписание лучше тебя!

Лу Линь, словно не слыша возражений, продолжил:

— Согласно графику, выезд назначен на семь утра, чтобы избежать утренних пробок. Надеюсь, вы подготовитесь заранее.

— В семь? — Цзян Сюнь нахмурился. — Так рано? Я обычно встаю не раньше половины девятого!

— С учетом времени на дорогу, макияж и прическу, семь утра — это крайний срок. Чтобы успеть вовремя, советую скорректировать режим.

Цзян Сюня едва не взорвало от этого тона — тона человека, который считает себя вправе планировать чужую жизнь.

— Лу Линь! Это моя жизнь! Моя работа! Когда вставать и когда выезжать — решаю я и моя команда, а не ты!

— До тех пор, пока потенциальная угроза не устранена, за оценку и корректировку вашего графика и ритма жизни отвечаю я.

Лу Линь прошел в центр гостиной, где невеста откуда взялась белая доска. На ней уже были закреплены расписание и список мер предосторожности.

— Включая ваш режим дня, питание и все публичные и частные мероприятия.

Цзян Сюнь смотрел, как тот планирует его жизнь, словно военную операцию, и чувство оскорбления вновь захлестнуло его. Он широким шагом подошел к доске, сорвал листок с завтрашним расписанием и в клочья разорвал его.

— А теперь слушай: завтра я встаю в восемь, а выезжаю в девять! На встречу с фанатами схожу, если захочу! — он вызывающе посмотрел на Лу Линя. — И что ты сделаешь?

Лу Линь посмотрел на обрывки бумаги, рассыпанные по полу. На его лице по-прежнему не дрогнул ни один мускул, лишь взгляд стал холоднее.

— Можете попробовать.

— А вот и попробую! — Цзян Сюнь вскинул подбородок. — Посмотрим, что ты сможешь мне сделать. Свяжешь меня и потащишь туда?

— Нет нужды в таких сложностях, — бесстрастно ответил Лу Линь. — Если вы откажетесь придерживаться разумного графика, я, согласно нашему соглашению, сообщу вашему отцу и семье Лу о том, что вы отказываетесь следовать базовым мерам безопасности. Кроме того, все коммерческие убытки и репутационные потери, возникшие из-за одностороннего нарушения вами условий контракта, лягут на ваши плечи.

Лицо Цзян Сюня мгновенно изменилось. Он чуть не забыл, что за этим браком стоят интересы семей. А у Лу Линя действительно был «козырь», позволяющий «разумно» вмешиваться в его дела. Если отец узнает, что он снова ведет себя своевольно... А еще эти неустойки и недовольство партнеров...

Он сверлил Лу Линя взглядом, его грудь тяжело вздымалась, но он понимал, что снова загнан в угол. В прямом столкновении он был бессилен.

На следующее утро Цзян Сюня разбудил мерный, настойчивый стук в дверь. Он в полудреме схватил телефон: всего шесть сорок!

— Кто там! — рывкнул он, не скрывая утренней ярости.

За дверью раздался четкий голос Лу Линя:

— Вставайте. Через пятнадцать минут завтрак будет готов. Выезд ровно в семь.

Цзян Сюнь натянул подушку на голову, пытаясь отгородиться от этого ненавистного звука. Но стук на мгновение стих и возобновился снова.

— Цзян Сюнь, если не хотите, чтобы я применил более радикальные способы, чтобы поднять вас с кровати.

Более радикальные? В голове Цзян Сюня пронеслись неприятные картины: его обливают холодной водой или просто стаскивают с кровати. Учитывая характер Лу Линя, он вполне мог на это пойти.

Цзян Сюнь в ярости отшвырнул одеяло, босиком прошагал по полу и распахнул дверь:

— Лу Линь! Ты больной?! Сейчас только шесть сорок!

Лу Линь, уже полностью одетый, стоял у порога. В руках он держал выглаженную одежду — именно тот комплект, в котором Цзян Сюнь должен был сниматься сегодня.

— От пробуждения до полного бодрствования и завтрака вам требуется не менее тридцати минут. Сейчас самое время вставать.

Он протянул одежду:

— Переодевайтесь. На завтрак овсянка и яйца, они не нагружают желудок и связки.

Цзян Сюнь смотрел на его бесстрастное лицо и протянутую одежду, чувствуя, как внутри закипает гнев, которому нет выхода. Он выхватил вещи и с грохотом захлопнул дверь.

В конце концов, под жестким надзором Лу Линя, Цзян Сюнь ровно в семь утра с мрачным лицом сел в машину. Он смотрел на город, который только начинал просыпаться, и чувствовал себя арестантом под конвоем.

Когда они прибыли в студию, до назначенного времени оставалось еще сорок минут. Визажисты и стилисты еще не были готовы. Цзян Сюнь, ловя на себе удивленные взгляды окружающих, сгорая от ярости, сел перед зеркалом.

Всю первую половину дня на съемках он выглядел рассеянным, работать с ним было тяжело. Фотограф несколько раз просил его быть более расслабленным и вовлеченным.

Во время перерыва Цзян Сюнь подошел к зоне отдыха, чтобы найти воды, но обнаружил там Лу Линя. Тот держал открытую бутылку минеральной воды идеальной температуры и протянул ее ему.

Цзян Сюнь помедлил, не спеша брать.

— Съемки требуют больших затрат энергии и влаги, — произнес Лу Линь. — Своевременное восполнение жидкости и поддержание хорошего состояния — проявление профессионализма.

Опять этот серьезный тон! Цзян Сюнь представил, как в следующий раз тот достанет «Кодекс поведения профессионального артиста». Он смотрел то на бутылку, то на Лу Линя. Возьмешь — снова попадешь в сети его вездесущего контроля; не возьмешь — в глазах окружающих будешь выглядеть незрелым и непрофессиональным. Прямо как с тем кофе вчера вечером.

Глубоко вздохнув, он все же принял воду и сделал несколько глотков. Температура была идеальной, горло действительно перестало пересыхать.

Лу Линь, наблюдая за ним, добавил:

— На дневной встрече с фанатами во время интерактива старайтесь держать дистанцию, избегайте излишне близких физических контактов, чтобы снизить потенциальные риски.

Цзян Сюнь отставил бутылку, вытер губы и наконец не выдержал:

— Господин Лу, вы что, собираетесь включить в свой «Устав безопасности» даже то, сколько раз я моргаю и сколько раз вдыхаю?

Лу Линь посмотрел на него, и в его глазах, казалось, мелькнула какая-то едва уловимая эмоция, но тут же исчезла, сменившись обычным выражением.

— Если потребуется, — ответил он.

Цзян Сюнь окончательно выдохся. Он понял, что Лу Линь для него — как непробиваемая стена: любые атаки и сопротивление легко поглощаются или отскакивают обратно. Это всеобъемлющее вторжение в его жизнь под предлогом безопасности и долга душило его, но поделать с этим он ничего не мог.

Он развернулся, не глядя на Лу Линя, и направился к съемочной площадке. В его походке читалось явное раздражение.

<http://bllate.org/book/19534/1915441>